

Тимижев Хамиша Тарканович

Б. ПАЧЕВ И ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ ВОСТОЧНОЙ ПОЭТИКИ

В статье научное разрешение получили вопросы влияния художественной культуры восточных народов на формирование и становление адыгской художественной словесности. Объектом исследования стали ранние произведения основоположника кабардинской письменной поэтической традиции Б. М. Пачева. Автор статьи устанавливает закономерности взаимодействия арабской, русской, кабардинской литератур. Особое внимание уделено вопросам новаторства кабардинского поэта в творческом использовании техники восточного стихосложения и ассимиляции других особенностей этой поэзии. В работе делается вывод о многообразии творческих подходов поэта к проблемам истории этноса, его психологии, роли яркой личности в эволюции художественного сознания, месте исследуемых произведений в современном состоянии адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур. Полученные результаты могут быть использованы в разработке частных вопросов литератур народов Северного Кавказа, а также в практике школ и вузов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 62-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

CLASSIFYING THE IMAGES OF THE EPOS "THE BOOK OF MY GRANDFATHER KORKUT"

Sofronova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Sorokina Oksana Vasil'evna, Ph. D. in Philology

I. N. Ulianov Chuvash State University

muxtar2@yandex.ru; oksanasorokina-chgu@yandex.ru

The Russian scientists explored the epos "The Book of My Grandfather Korkut". They compare its images with the examples of other Turkic people's folklore and propose the classification of epos images according to the following features: woman – man, profession, age, blood relation, friend – enemy, positive heroes – negative heroes whose names are not mentioned, mythological and historical images, heroes' names. The classification allows examining the everyday life, culture, traditions, social relations of the Turkic peoples of the Middle Ages.

Key words and phrases: epos; epic hero; hero; folklore; animal images; ideal image; image of mother; the Oguzes; narrator; correlations.

УДК 821.352.39

В статье научное разрешение получили вопросы влияния художественной культуры восточных народов на формирование и становление адыгской художественной словесности. Объектом исследования стали ранние произведения основоположника кабардинской письменной поэтической традиции Б. М. Пачева. Автор статьи устанавливает закономерности взаимодействия арабской, русской, кабардинской литератур. Особое внимание уделено вопросам новаторства кабардинского поэта в творческом использовании техники восточного стихосложения и ассимиляции других особенностей этой поэзии. В работе делается вывод о многообразии творческих подходов поэта к проблемам истории этноса, его психологии, роли яркой личности в эволюции художественного сознания, месте исследуемых произведений в современном состоянии адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур. Полученные результаты могут быть использованы в разработке частных вопросов литератур народов Северного Кавказа, а также в практике школ и вузов.

Ключевые слова и фразы: кабардинская литература; жанры восточной поэзии; ассимиляция; индивидуум; метод; стиль; эволюция; национальное самосознание; этнокультурная традиция; эстетика.

Тимижев Хамиша Тарканович, д. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

maryana.khezheva@yandex.ru

Б. ПАЧЕВ И ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ ВОСТОЧНОЙ ПОЭТИКИ

Творчество основоположника кабардинской письменной поэтической традиции Бекмурзы Машевича Пачева (1854-1936) до настоящего времени вызывает много споров и дискуссий, хотя прошло уже около века со дня его смерти. Одним из вопросов, наиболее часто поднимаемых критиками и литературоведами, является влияние или же невлияние поэтики восточных народов на творчество кабардинского самородка. Возвращаясь еще раз к этой проблеме, хотелось бы остановиться на одной, на наш взгляд, важной детали поэзии Б. Пачева. Речь идет о формах стихосложения, ибо такой наблюдательный человек, как Б. Пачев, подмечающий тончайшие нюансы человеческой души, не мог не заметить мелодичность и своеобразную рифму восточного стиха. Здесь нельзя согласиться с выводами отдельных ученых, которые утверждают, что творчество поэта не вышло за рамки устно-поэтических традиций кабардинского этноса, а варьировалось в них. На необоснованность таких утверждений одним из первых обратил внимание исследователь А. М. Гутов. Рассказывая о том, как образы, кажущиеся несколько легковесными, обретают у поэта «подлинно пачевскую суровость», исследователь пишет: «Этот поворот мне представляется совершенно новым явлением в адыгской поэзии, и он очень характерен для поэтических традиций Востока с их мотивами сетований на суровую судьбу и бессилие человека. Характерно, что кабардинский поэт, обратившись к мотиву из иной культурной и стилиевой традиции, полностью ассимилировал его» [2, с. 36].

Поэт ассимилировал и другие особенности восточной поэзии и в первую очередь поэтическую форму касыды. Арабское слово «касыда» означает «красивый» [8, с. 5]. Жанр в действительности красивый, но в то же время один из самых сложных. Касыда обычно состоит из нескольких поэтических кусков, представляющих собой разные жанровые формы, не связанные ни сюжетно, ни стилистически, но в сознании читателей образующие стройную картину. Касыда – жанр со строгой моноримной или сквозной рифмовкой: **аа, ав, ас** и т.д. Примером служит лучшее, на наш взгляд, произведение Б. Пачева «Хвалу Всевышнему» [5, с. 83-85].

Для средневековой арабской поэзии характерна форма аллитерационного стихосложения, где в строках повторяются однородные согласные, придающие стиху особую звуковую и интонационную выразительность. Такой стиль использован и в адыгских (кабардино-черкесских) нарских эпических песнях (пшинатль):

*Сосрыкъуэу ди къаныр,
Сосрыкъуэу ди нэхур,
Зи мэлуху дыцафэр,
Афэр зи джанэ куэцЫр... [4, с. 63].*

Сосруко наш сын,
Сосруко наш свет,
Чей щит золотист,
Чья рубаха из кольчуг... (*подстрочники – Х. Т.*)

Вместе с повторяющимися словами в строках, одинаковые звуки в словах «нэху» (свет) – «мэлуху» (щит), «дыцафэ» (золотистый) – «афэр» (кольчуга) образуют аллитерацию. Такой традиционный восточный вид стихосложения часто использовался и европейскими авторами, в том числе и А. С. Пушкиным. Здесь интересен и тот факт, что великий русский поэт «подражал» священному писанию не столько в интерпретации коранических сюжетов, сколько в форме стихосложения. В «Подражании Корану» встречаются все классические рифмы касыды. Например, IX стих написан с использованием моноримной рифмы – **аа**:

Настал пробужденья для путника час,
Встает он и слышит неведомый глас [6, с. 192].

Другой, VI стих из цикла сложен в иной форме этого жанра – с рифмовкой **авва**:

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам [Там же, с. 191].

Большинство произведений Б. Пачева написаны в таком стиле, за исключением тех, которые, возможно, подверглись изменениям в процессе подготовки к изданию. И как бы не называли такой стиль – лиро-эпическим, традиционно-джегуаковским и т.п., – он сроднен с жанрами древневосточной поэзии и служит доказательством духовной близости поэта с культурой народов Ближнего Востока и Передней Азии.

Как уже было отмечено, древневосточный стих строился по определенной схеме: из комбинаций открытых и закрытых слогов образовывались стопы, сочетание двух или трех стоп составляло полустишие, а два полустишия с обязательной цезурой посередине давали стих – бейт. Классическая арабская касыда или кыта состоят, как правило, из бейт, связанных внутренним, логическим стержнем. То же самое можно сказать и о произведениях Б. Пачева. Его бейты-миниатюры, содержащие философские мысли, сродни народным афоризмам:

*Щымылэ хабзэм фемыджэ,
Къывэмыджэ гупым фымыкгуэ,
Щхьэхуэкгуэ фадэ фемыфэ,
Къэфэрейм Изгу фыхуемыуэ [5, с. 77].*

Не ищите не существующего обычая,
Не ходите туда, куда вас не зовут,
И не пейте водки ради удовольствия,
И не хлопайте непрошенному плясуну.

Глубокий смысл напутственного характера, вложенный в бейт, сближает его с народными пословицами, а аллитерация и ритмическая четкость связывают, казалось бы, самостоятельные афоризмы в единое словосочетание. Из таких цельных бейтов-блоков состоят и крупные произведения поэта.

Удивительно, но такой стиль стихосложения характерен и для классика арабской (египетской) поэзии, потомка черкесских мамлюков Махмуда Сами аль-Баруди – современника Б. Пачева. Особенности мышления, художественного мировидения сближают черкесов, где бы они ни проживали. Близость творчества арабского поэта черкесского происхождения и Б. Пачева наводит нас на мысль, что «...кабардинский поэт был знаком с произведениями аль-Баруди» [8, с. 7]. В начале XX века аль-Баруди был самым популярным поэтом арабского мира не только своей патриотической лирикой, но и политической деятельностью.

Во время поездки на Ближний Восток (единой даты у ученых нет, называют время между 1882-1902 годами) Б. Пачев, вероятнее всего, услышал о своем знаменитом соплеменнике. Лирика одного из руководителей национально-освободительного движения Египта М. Сами аль-Баруди в этот период стала своеобразным символом борьбы за независимость, поэтому ее знала вся арабская интеллигенция. Строки из его стихов, как цитату, часто использовали и ведущие публицисты, писатели черкесской диаспоры.

Арабские литературные критики называют вершиной творчества поэта М. Сами аль-Баруди его политическую лирику. Страстные призывы поэта за независимость, равенство, свободное развитие страны были услышаны египетским народом. Свободный труд и справедливость становятся главной темой и в произведениях Б. Пачева во второй период его творчества, то есть после возвращения из Турции. В его стихах постепенно уходят хвалебные, приподнятые эпитеты и пафосные выражения; они становятся максимально приближенными к реальной действительности. Меняется язык поэта – теперь он более жесткий, точно

характеризующий образ. Б. Пачев начинает часто использовать слова «борьба», «свобода» как синонимы слова «мужество». Меняется и стиль письма: поэт отходит от канонов традиционного адыгского стихосложения и с помощью аллитерации и ассонанса доводит благозвучие стиха до совершенства.

Все это говорит о том, что Б. Пачев вернулся из Турции вдохновленный борьбой «ени османлары» («новых османов») за свержение монархии и конституционный строй. Годы пребывания в Турции и революция османов круто изменили взгляды поэта на происходившие события в его стране и на литературную деятельность. После Турции поэту пришлось жить около 7-ми месяцев в Баку. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что он в достаточной степени овладел турецким (староосманским) языком, чтобы ознакомиться с художественным миром турецкого народа. Грузинский академик Симон Джанашия намекал на то, что Б. Пачев, кроме кабардинского языка, мог изъясняться и на арабском, русском языках [3, с. 150]. И то, что у Бекмурзы есть много бейтов, по форме и содержанию напоминающих классический жанр восточной литературы, подтверждает высказывания академика.

Бейты кабардинского самородка и восточных поэтов делает похожими, на наш взгляд, еще и особый язык этого жанра, носящий легкий сатирический характер. Здесь нельзя не согласиться с кабардинским прозаиком и литературоведом Х. Теуновым, который отмечает, что в глубокой основе лирики лежит сатира, ибо как бы человеческая фантазия не заплетала ее в чудесные узоры, она остается как белая нить на черном фоне [7, с. 161]. Как и поэты черкесского зарубежья, Б. Пачев обличает богатых невежд, высмеивает неумных аристократов, жуликоватых торговцев и судей, но его юмор не содержит желчи. Поэт, мастерски обнажая в мелочах глубокие социальные противоречия в обществе, умел намеренно маскировать основную мысль произведения. Такой своеобразный эзопов язык – «ныбжызоІэ, сипхъу, зыхэщІыкІ, си нысэ» [1, с. 92] / «Говорю тебе, дочь моя, но пойми, сноха и ты меня» – был популярен у арабских и турецких поэтов и прозаиков начала XX века. Таким языком любил писать и Б. Пачев.

Произведения поэтического характера, в которых лирический герой как бы «ропщет на кого-либо или что-либо», написанные эзоповым языком, восточные литературоведы выделяют в отдельный жанр – «хиджа». Многие бейты М. Сами аль-Баруди и Б. Пачева написаны в этом жанре. Можно провести некоторую параллель, если вообще возможно такое в переводе:

М. Сами аль-Баруди:

*УмышІ псалъэ быдэ къыуитми уи фІэщ,
Дахэм пІалъэу ищІыр – тхъэрыкъуэфци* [9, с. 237].

Не верь обещаниям, хоть слова тверды,
Данный срок красавицей... завянет как лопух.

Б. Пачев:

*Иджырей шІалэхэм пащІэр ягъэкІ,
Іуэху къалъыкъуэкІым – хуабэ тхъэрыкъуэфци* [5, с. 79].

Современные юноши рано растят усы,
Но перед делом... увядают как лопух на солнце.

М. Сами аль-Баруди:

*Гъуэжжуий кІэрахъуэм и щІагъым жьуджалэ ущымылгыхъуэ,
Къэбубыдыну уи гугъэу жьым зэи укІэлъымыпхъуэ* [9, с. 237].

Под крутящимся вихрем не ищи колючник,
И не кидайся на ветер, надеясь его поймать.

Б. Пачев:

*Псы жэм къыгъэзэжыркъым – Іуфэм ущемыжъэ,
щІэхэм уадэмыхъумэ, ящІэр хуэгъэдахэ* [5, с. 242].

Утекшая вода не возвращается – не жди ее у берега,
Уж если не подходишь к переменам – хотя бы поддержи их.

Таких примеров из произведений названных авторов можно привести много. По своим характеристикам *хиджа* близка с другим жанром восточной поэзии – *фахром*. Восхваление или высмеивание себя с тонким юмористическим оттенком присущи этому жанру. «Если не с кем советоваться, клади перед собой свою папаху и советуйся с ней», – говорится в кабардинской пословице, хотя в традиционной национальной поэзии не принята такая форма общения автора с самим собой. Но этот жанр давно известен в восточной поэзии. Редко, но *фахр* встречается и у Б. Пачева. К этому жанру относится стих «Этот мир огромный...»:

*Мы дунеижьыу зи бгъафэм куэд зэблэзыхъум
Адэ хъуэхъужьыи и мащІэтэкъым.
Си гъыбзэм и гуащІэм
Си гъащІэ мащІэр нысхуегъэут.
Дунеыр тутнакъыци, Бэчмырзэ мэгуІэ* [Там же, с. 145].

Мир, ты – огромный, выдавший виды,
 Холами (тостами) наших дедов полон же ты.
 Мощи моей горести
 Вздывают силы слабые,
 Мир наш – тюрьма, и Бекмурза скорбит.

Диалог поэта с богом, природой часто встречается в арабской поэзии Средних веков. В восточной литературе такой жанр, напоминающий элегию, называется «*мувашишах*». Он был особенно популярен у андалузских арабских поэтов. В нартских пшинатлях эта форма занимает особое место, правда здесь герои обращаются к языческим богам Шибле, Псатхе, Тхагалегу, Тлепшу и др. У Бекмурзы в роли «тхъ» (бога) выступает «дунеижъ» (старый мир, огромный мир) или «зэманьжъ» (время недоброе, время жестокое). Как и у восточных поэтов, мир Б. Пачева многолик и многоцветен: «Уей, дунеижъ мыгъуэрэ зи лъабжэр мыф» [Там же, с. 87] / «Эй, мир громадный, чьи корни не гниют»; «Уэ, дунеижъ тхъэлухъуд бгъафэ» / «Эй, ты, мир громадный, сладостный как грудь феи» [Там же, с. 145]; «Уэ, дунеижъ лъэужь дэгъазэ» / «Эй, ты, мир громадный, вортающий след» [Там же]; «Уэ, зэманьжъ шыдыгъужь клуэкIэ» [Там же, с. 96] / «Эй, ты, время недоброе с походкой конокрада» и т.д.

И последнее, на что мы хотели бы обратить внимание исследователей творчества «чудесного самородка» кабардинской литературы. Известный турецкий поэт – потомок черкесских махаджиров Тевфик Фикрет («Шермин». Стамбул, 1914) – впервые использовал оригинальную форму стихосложения – «*писаа*». Он в одной строфе соединял два логически противоположных суждения. Каждое суждение имеет грамматическую основу, а вместе они образуют сложносочиненное предложение. Жанр – сложный, рассчитанный на психологическое восприятие. Он был популярен у последователей турецкого литературного течения «Серветифюнун» («Богатство наук»). И у Б. Пачева встречаются стихи, которые можно отнести к данному жанру:

*Дэ тхэмыт кытхалъхуэмэ, догуфIэ,
 НэхъыфIхэр малIэри дэ допыхэ* [Там же, с. 86].

Рождаются такие, которых нет среди нас – мы радуемся,
 Уходят в мир иной лучшие из нас – мы печалимся.

Таков духовный мир Б. Пачева, соприкоснувшись с которым, получаешь эстетическое удовольствие. Творчество поэта выражает наши самые сокровенные чувства и заставляет ассоциировать себя с ценнейшим искусством, делая как бы причастными к процессу его созидания. А соединив адыгскую литературу с богатой, многовековой культурой восточных народов, Б. Пачев оставил нам, на наш взгляд, самое чудесное свое творение – духовный мост между народами. Поэт внес весомый вклад в развитие техники адыгского стихосложения.

Список литературы

1. **Адыгские пословицы.** Нальчик: Эльбрус, 1994. 305 с.
2. **Гутов А.** Благородный дар поэзии и ее истоки // Слово и культура. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 33-45.
3. **Джанашия С.** Черкесские дневники. Тбилиси: Центр культурных взаимосвязей «Кавказский дом», 2007. 266 с.
4. **Нартхэр. Къэбэрдей эпос** (Нарты. Кабардинский эпос). Нальчик: Эль-Фа, 1995. 560 с.
5. **Пачев Б. М.** Сочинения. Нальчик: Эльбрус, 2003. 374 с.
6. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977. Т. II. 400 с.
7. **Теунов Х. И.** Литература и писатели Кабарды. М.: Советский писатель, 1958. 348 с.
8. **Тимизев Х. Т., Пшихачев Л. И.** Доброе слово, заимствованное слово (Предисловие к изданию) // Словарь арабизмов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 2006. 76 с. С. 3-13.
9. **Хэхэс дуней (Мир мухаджиров).** Нальчик: Эльбрус, 2004. 252 с.

B. PACHEV AND THE PROBLEM OF EASTERN POETICS ASSIMILATION

Timizhev Khamisha Tarkanovich, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanities Researches
 maryana.khezheva@yandex.ru

The article focuses on the issues of influence of the eastern people's artistic culture on the Adyghe literature formation. The early works of the Kabardinian written poetical tradition founder B. M. Pachev are under study. The author identifies the principles of interaction of the Arabic, Russian, Kabardinian literatures. The special attention is paid to the issues of the Kabardinian poet's innovation in the creative use of the eastern versification technique and assimilating other peculiarities of this poetry. The paper concludes on the variety of the poet's creative approaches to the problems of ethnoses' history, its psychology, the role of a striking personality in the artistic consciousness evolution, the place of the works under study in the modern state of the Adyghe (Adyghe, Kabardinian, Circassian) literatures. The findings can be used while developing the specific issues of North Caucasian literatures and in the secondary and higher education.

Key words and phrases: Kabardinian literature; eastern poetry genres; assimilation; individual; method; style; evolution; national consciousness; ethnocultural tradition; esthetics.